

НОВАЯ ОПРИЧНИНА

Осенью 1575 года царь снова поразил своих как будто уже отвыкших удивляться подданных. В официальном источнике — «Разрядных книгах» к этому времени относится следующая краткая запись: «Тово же году в осень посадил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на великое княжение в Москве великого князя Симеона Бекбулатовича».

Симеон Бекбулатович принадлежал к числу татарских царевичей, занимавших весьма видные места в Боярской думе в первой половине 70-х годов. Как и все они, он принадлежал к потомкам ханов Большой орды. Его отец, Бекбулат, троюродный брат Шах-Али, появился в России в начале 60-х годов XVI века. Сына Бекбулата, Саин-Булата, около 1570 года Иван IV «учинил на Касимове городке царем», передав ему владение его дальнего родственника Шах-Али. В начале 1570-х годов он неоднократно по приказу царя участвовал в походах в Ливонию, а в 1573 году крестился, приняв имя Симеона. Этого служилого татарского царя Иван IV в октябре 1575 года женил на Анастасии, дочери князя Ивана Федоровича Мстиславского (так Симеон стал царским родственником) и провозгласил «великим князем всея Руси». Однако подданных поразило даже не это необычное возвышение служилого татарского вассала, не имевшее никаких прецедентов в историческом прошлом. Поразительным было то, что царь одновременно с этим объявил себя подчиненным Симеону «удельным князем Иваном Московским». В соответствии с этим Симеон Бекбулатович поселился в Кремле, а «Иван Московский» — «за Неглинною на Петровке, на Орбате против каменного мосту старово».

Что скрывалось за этим совершенно необычным шагом царя? Каковы были его последствия? Какие перемены произошли осенью 1575 года в жизни русского общества? Исследователи долгое время терялись в догадках, выдвигая самые разные гипотезы, и лишь сравнительно недавно, благодаря исследованиям С. М. Каштанова и В. И. Корецкого, удалось получить определенный ответ на все эти вопросы.

Сведения самых разных источников не оставляют сомнений, что возведение Симеона Бекбулатовича на великокняжеский трон сопровождалось новым разделом страны на две части. Одна осталась под властью великого князя Симеона Бекбулатовича, другая вошла в состав особого «удела» князя Ивана Московского. С осени 1576 года эти территории стали называться «дворовыми».

Формирование особого удела царя началось тогда же, осенью 1575 года. Так, 19 ноября 1575 года «князь Иван Васильевич московский, псковский и ростовский» отправил грамоту на Двину, в которой население извещалось, что «весь Двинской уезд — станы и волости и всякие денежные доходы поместили есмь к себе в удел». Исследователи установили круг тех владений, которые, судя по разного рода сведениям, вошли в состав царского удела в 1575—1576 годах. Однако в полноте этих сведений нельзя быть уверенным. В документах следующего, 1577 года упоминается еще ряд «дворовых городов», которые, возможно, и раньше входили в ту часть страны, которую царь выделил для себя. С другой стороны, известно, что территория царского удела со временем расширялась: так, сравнительно недавно выяснилось, что в 1580 году по приказу царя был «взят во двор» Суз-

дать. Таким образом, в настоящее время можно дать лишь самое общее представление о том, какие территории царь выделил в свое «особое государство» в последний период своего правления. Часть этих земель (Поморье и Вологда, Ростов, Пошехонье, Козельск, Перемышль и Лихвин, отобранные некогда царем у «служилых князей») входила ранее в состав опричнины, другие (как, например, Дмитров) лишь теперь царь включил в состав своего нового удела — «двора». Обращает на себя внимание, что в состав сюда же вошел большой комплекс земель, расположенных на западе страны — Псковская земля, к которой был присоединен Порховский уезд Шелонской пятины, Ржев, Зубцов, Старица. Старица, в которой царь с начала 70-х годов проводил все больше времени, стала своеобразной столицей нового «государства». С середины 70-х годов ливонские дела стали занимать все больше места во внешней политике царя, и это сказалось на структуре его нового удела. Царь хотел, чтобы на подступах к Ливонии, на ведущих туда путях, находились верные ему люди.

Уже сам перечень владений, взятых царем под свою особую власть, показывает, что новый «удел» представлял собой целое небольшое государство, не уступающее по размерам владениям Ивана опричных лет. В уделе был свой особый двор и свое войско, были созданы и свои органы управления: деятельностью войска ведал дворовый Разряд, сбором налогов — дворовая Двинская четверть, дворовый Большой приход, высшей судебной инстанцией для населения удела был дворовый Судный приказ. «Избы» этих приказов располагались отдельно от земских приказов «в дворовой стороне» Москвы.

С разделом страны на две части произошло разделение на две части и дворянского сословия. Снова часть дворянства оказывалась в особых, близких отношениях с монархом, от которого она могла ожидать особых прав и привилегий, недоступных для остального дворянства. Для понимания характера нового режима очень важно, что раздел дворянского сословия на две части должен был произойти отнюдь не механически, не путем простого зачисления во двор детей боярских тех уездов, которые царь «пометил» в свой удел.

О намерениях царя дает ясное и четкое представление челобитная, с которой «Иванец Васильев» обратился к новому «великому князю» 30 октября 1575 года. Принимая позу покорного вассала, царь просил своего сюзерена, чтобы тот «милость показал, освободил людишек перебрать, бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек, иных бы еси освободил отослать, а иных бы еси пожаловал, освободил принять». Таким образом, царь был намерен произвести всеобщую проверку всех своих слуг, от бояр и дворян до поваров и истопников, чтобы установить, кто из них достоин того, чтобы быть взятым на службу в царский удел. Очевидно, как и при установлении опричнины, облеченные его доверием люди должны были

созывать детей боярских на смотры и расследовать их отношения свойства и родства. Те, кто после расследования были бы признаны заслуживающими доверия, должны были оставить свои поместья в земщине и переселиться на территорию удела, как это было и при зарождении опричнины: в челобитной Иванец Васильев просил великого князя, чтобы тот при переезде «ис поместишок их хлебишко и денженка и всякое рухлядишко пожаловал, велел отдати». Вместе с тем, как и при учреждении опричнины, дети боярские, взятые в удел, могли сохранить за собой свои вотчины на территории земщины. В сохранившихся документах имеются ясные указания на то, что эти предписания выполнялись: так, дети боярские Обонежской пятины, которых царь взял в свой двор, должны были оставить свои поместья на территории пятины и переселиться в Порховский уезд. Одновременно те дети боярские, которых царь не почтил своим доверием, должны были оставить свои поместья на землях, взятых царем в свой удел. В сохранившемся списке 1577 года той части двора, которая осталась в новой земщине, встречаем пометы: «высланы из Старицы», «изо Пскова высланы», «высланы з Зубцова». Эти пометы относятся к детям боярским, вынужденным покинуть уезды, вошедшие в состав царского удела. На землях удела могли оставаться владения только тех людей, в преданности которых царь был уверен. Раздел дворянского сословия на две части, таким образом, должен был сопровождаться и четким территориальным размежеванием между ними.

Все эти черты нового установившегося осенью 1575 года порядка позволяют выяснить, как именно намеревался царь обеспечить себе преданность слуг, которые могли бы стать его опорой в борьбе с возможной изменой. Снова разделив дворянское сословие на две части, приблизив к себе одну из них и наделив ее правами и привилегиями, которых другая часть не имела, царь создавал значительную прослойку лиц, заинтересованных в сохранении своего особого привилегированного положения и потому безусловно преданных своему монарху.

Царь снова пришел к выводу, что не может управлять Россией обычными, традиционными способами, и установил в стране режим, который по способу установления и по многим параметрам живо напоминал опричнину.

Для оценки характера этого режима весьма показательно, что с его утверждением возобновилась проводившаяся в годы опричнины политика, направленная против вотчинного землевладения княжеских родов. С землевладением ярославских и ростовских князей в предшествующие годы было покончено, лишь немногие представители этих двух ветвей потомков Рюрика, которых царь удостоил своим доверием и согласился принять в опричнину, сохранили свои родовые земли. Часть суздальских княжат (прежде всего Шуйские)

смогли вернуть свои владения ценой полного подчинения воле государя. Сохранилась, однако, еще одна большая ветвь потомков Рюрика — стародубские князья, чьи родовые вотчины практически не были затронуты бурями времен опричнины. Город Стародуб Рязполовский вместе с большей частью владений стародубских князей вскоре после начала опричнины царь отдал Владимиру Андреевичу Старицкому, а после его смерти — Михаилу Ивановичу Воротынскому. Ни тот, ни другой не имели никакого желания лишать стародубских князей их вотчин, и те благополучно сохранялись в руках своих традиционных владельцев.

Совсем недавно были найдены документы, согласно которым в 1580 году был издан царский указ «стародубским князем за их вотчины денги давати из наших казны, а их вотчины в поместья раздавати». Таким образом, должен был производиться принудительный выкуп родовых владений стародубских князей. К подобному способу решения, отличному от практики, имевшей место в годы опричнины, царь и его советники, по-видимому, склонились потому, что в условиях катастрофического запустения страны трудно было найти соответствующую земельную компенсацию за эти владения.

Это решение представлялось царю весьма важным, если он готов был тратить на эти цели деньги даже в условиях, когда, как увидим далее, война в Ливонии приняла неблагоприятный оборот и казна весьма нуждалась в средствах на снаряжение армии. Споры, возникшие в связи с применением этого указа, разбиравшиеся уже в правление следующего царя, Федора Ивановича, не оставляют сомнений в том, что царский указ проводился в жизнь. Хотя после смерти Ивана IV он, по-видимому, был отменен и действовал таким образом всего несколько лет, за это время значительная часть родовых вотчин стародубских князей превратилась в поместные земли, которые в ряде случаев отдавались во владение тем же стародубским князьям. В итоге еще одна группировка княжеской знати, входившая в состав верхнего правящего слоя дворянского сословия, утратила свою родовую собственность и оказалась в зависимости от милости и расположения монарха — верховного собственника поместных земель.

Таким образом, характер порядка, установившегося в России осенью 1575 года, вряд ли может вызывать какие-либо споры. Это был режим, по своему характеру во многом близкий к опричному. В выяснении нуждается иной вопрос: почему во главе новой «земщины» царь поставил Симеона Бекбулатовича, да еще придал ему статус верховного правителя всего государства.

В свидетельствах современников сохранились разные ответы на этот вопрос. Наиболее обстоятельный и развернутый принадлежит Джерому Горсею. Причиной действий царя стали, по его мнению, финансовые трудности, опустошение царской казны в результате многолетней войны. Провозглашение Симеона формальным главой

государства дало Ивану «возможность отвергнуть все долги, сделанные за царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировалось». Позднее, когда царя просили вернуться на трон, он взял за свое согласие с подданных богатые «дары и подношения», а затем смог взыскать с купцов, городов, монастырей большие суммы денег за выдачу новых жалованных грамот.

Так как от этого времени сохранилось довольно много жалованных грамот монастырям, то имеется возможность проверить достоверность утверждений Горсея. Такая проверка, проведенная С. М. Каштановым, не подтверждает свидетельства англичанина. Если бы жалованные грамоты Ивана IV с вокняжением Симеона были аннулированы, то вместо них должны были бы выдаваться жалованные грамоты нового правителя, но известен лишь один документ такого рода, обнаруженный совсем недавно. На худой конец это можно было бы объяснить тем, что жалованные грамоты Симеона после его «сведения» специально уничтожались, однако в любом случае должно было бы сохраниться большое количество жалованных грамот, выданных Иваном IV после возвращения к власти. Никакой массовой выдачи таких грамот в 1577—1578 годах не происходило.

Как представляется, всю эту историю следует рассматривать как вымысел Горсея, основанный на наблюдениях над хорошо известной ему практикой английской монархии. Зависящая при сборе доходов от решений парламента королева Елизавета (а затем ее преемники — Стюарты) испытывала периодически нехватку средств и должна была делать долги, которые становились головной болью для английских государственных деятелей. Иван IV находился в качественно ином положении — для покрытия расходов он мог повышать обычные и вводить чрезвычайные налоги, и никакие решения парламента его при этом не ограничивали. Правда, и царский двор периодически мог испытывать нехватку средств. Именно таким недостатком средств следует объяснять проведенное в 1574/75 году по приказу царя изъятие из казны Троице-Сергиева монастыря больших сумм денег и драгоценной утвари, пожертвованной обители его предшественниками, церковными иерархами и боярами. Однако для проведения такой операции Иван IV не нуждался в содействии Симеона Бекбулатовича.

В составе одной из летописных компиляций середины XVII века, так называемого «Московского летописца», сохранились записи современника, по-видимому, священника одного из кремлевских соборов, о событиях второй половины XVI века. Этот современник записал, что царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана о желании царства и восхоте поставити ему препону, нарек на великое княжение царя Симеона Бекбулатовича». Как увидим далее, основанием для появления такой версии послужили некоторые события, связанные с вокняжением Симеона. Однако и эта версия не убеждает. Каким об-

разом татарский царевич, по определению самого царя «иноземец, у которого нет ничего общего с нами, нашей страной и короной» (слова, сказанные английскому гонцу Даниелю Сильвестру), мог стать препятствием для законного сына и наследника царя? Симеон не мог служить препятствием ни возможным планам переворота, если таковые у сторонников наследника имелись, ни законной передаче ему власти в случае смерти царя.

Подозрительный царь старался убедить себя и других, что никаких законных прав на власть Симеон не имеет. В беседе с Даниелем Сильвестром он подчеркивал, что Симеон не коронован и не избран, а посажен на трон по его, Ивана, изволению, что в его руках остаются и скипетр, и другие знаки власти, и вся царская сокровишница. Очевидно, что опыт с Симеоном вызывал у самого царя какие-то опасения. Вместе с тем в целом ряде свидетельств отразились впечатления современников, запомнивших, как старательно царь подчеркивал, что является лишь простым подданным правителя — Симеона: «а как приедет к великому князю и сядет далеко, как и бояря, а Симеон князь великий сядет на царском месте»; «и к образам припущал прикладыватьца наперед себя Симеона, и к митрополиту благословлятися также наперед». Свои пожелания, обращенные к Симеону, царь облекал в форму прошений — челобитных к государю от имени его подданного: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками с Иванцом да с Федорцом челом бьют».

Для создания режима, подобного опричному, возведение Симеона на великокняжеский трон вовсе не было необходимым условием: ничто не мешало царю передать управление новой земщиной в руки Боярской думы, как царь это сделал в 1565 году. Стоит обратить внимание и на другое: когда, пробыв на княжении год, Симеон был сведен с великокняжеского московского стола, никаких изменений в порядке, установленном осенью 1575 года, не произошло.

Представляется, что и все эти особенности поведения царя, и странную судьбу Симеона позволяют объяснить слова, приведенные в «Пискаревском летописце»: «А говорят нецыи, что для того сажал (Симеона на царство. — *Б.Ф.*), что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть». На этот год царю и потребовался фиктивный заместитель, что, может быть, случайно совпало с его решением произвести новый раскол страны на две части.

Такое толкование может встретить, однако, серьезное возражение: мог ли монарх, столь постоянно и старательно подчеркивавший свою верность православию, руководствоваться предсказаниями (в частности, астрологическими гороскопами) — ведь церковь постоянно подчеркивала свое отрицательное отношение к предсказаниям, исходившим не от благочестивых мужей, а от «волхвов». Известно, что в 50-х годах XVI века царь отказался принять от датского короля

подарок — автомат, изображающий движения планет. Он заявил, что православному государю не подобает иметь у себя чего-либо подобного. Этим демонстративным жестом царь показывал свое враждебное отношение к астрологии. Как известно, в решениях Стоглавого собора 1551 года указывалось, что тем, кто занимается астрологией, «от царя в великой опале быти».

С того времени, однако, утекло много воды. В начале 70-х годов в окружении царя появилась колоритная фигура доктора медицины Елисея Бомелия, вестфальского немца, получившего образование в Кембридже. «Шельмовский доктор», как его называют в своем «Послании» Таубе и Крузе, снискал себе расположение царя тем, что по его приказу отравлял того или иного из неугодных Ивану IV приближенных. Стоит отметить, что этого человека, в течение ряда лет близкого к царю, Горсей называет не только врачом и математиком, но также «живым колдуном» и «магом» — Бомелий, очевидно, составлял для царя астрологические гороскопы. И он, судя по всему, был в окружении царя того времени совсем не единственным лицом, занимавшимся предсказаниями. К концу 70-х годов о таких предосудительных с православной точки зрения увлечениях царя уже узнал и Курбский. «Яко нам zde поведают... — писал он царю, — чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях». Так что версия «Пискаревского летописца» не может вызывать удивления. Сведя через год Симеона с «великого княжения», царь щедро наградил его за оказанную услугу. Он отдал ему в удел Тверь и Торжок с титулом «великого князя тверского». Этими землями Симеон благополучно управлял до самой смерти Ивана IV.

Вокняжение Симеона сопровождалось публичными казнями. Сообщения об этом сохранились в двух летописцах и донесении австрийского дипломата Даниила Принца. Сопоставление этих свидетельств с «Синодиком опальных» позволило исследователям установить круг казненных. Он оказался довольно разнородным. Вместе с боярином князем Петром Андреевичем Куракиным, окольными Иваном Андреевичем Бутурлиным и Никитой Васильевичем Бороздиным, дьяками Семеном Мишуриным и Дружиной Володимировым был казнен целый ряд высокопоставленных духовных лиц — архиепископ Новгородский преемник Пимена Леонид, настоятели Чудова и Симонова монастырей, Иван, протопоп Архангельского собора, которого в отличие от других казненных царь «посадил в воду».

Что могло объединить между собой всех этих людей? Автор «Пискаревского летописца», описывая казни, ничего не говорит об их причине. В донесении Даниила Принца помещено стандартное обвинение казненных в заговоре на жизнь царя. Гораздо более интересно сообщение «Московского летописца». Когда царь принял решение посадить на великокняжеский трон Симеона Бекбулатовича, «елицы же, — рассказывает летописец, — супротив стаща, глаголающе: «Не

подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменика на государство поставляти». Необычное, не имевшее прецедентов решение царя, в мотивы которого он, конечно, не намерен был посвящать подданных, вызвало, очевидно, беспокойство не только светской, но и духовной элиты общества. Правдоподобным представляется предположение В. И. Корецкого о том, что государю была подана коллективная челобитная с просьбой отказаться от своих намерений, которую подписали духовные и светские лица. Сообщения «Московского летописца» находят косвенное подтверждение в жалобах царя Даниелю Сильвестру на подданных, которые «ворчат и ропшат против нас».

Царь давно привык видеть «измену» в каждой несогласии со своей волей и с течением времени все меньше мог и хотел себя сдерживать. Даниил Принц, встречавшийся с царем как раз в это время, записал: «Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие». Неудивительно поэтому, что, столкнувшись с проявлением несогласия, царь, «возьряся, казнил» недовольных.

По сообщению летописцев, казни совершались «на площади у Пречистыя в Большом городе», или «на площади под колоколы», то есть на Соборной площади Кремля. Очевидно, царь хотел придать этим казням публичный характер. Столкнувшись с проявлением несогласия, он этими казнями был намерен запугать земщину, предотвратить возможное сопротивление реставрации опричного режима. Не случайно, как отмечено в «Пискаревском летописце», головы казненных «меташа по дворам к Мстиславскому ко князю Ивану, к митрополиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным», то есть тем лицам, которым должно было принадлежать управление новой земщиной.

Новый режим многими своими чертами воспроизводил опричный порядок, но не был, однако, его точным подобием.

Так, в уделе царя Ивана, судя по всему, не существовало ничего подобного опричному братству. Еще более существенно то, что вслед за казнями, сопровождавшими образование удела, не последовали новые казни, опалы и ссылки. Не было ни карательных экспедиций, ни разгрома крупных городов. Новый режим, таким образом, не был связан с постоянной практикой массового террора.

В особом дворе и дворовом войске царь видел главную опору своей власти и прилагал усилия к тому, чтобы дворовые дети боярские были обеспечены землей и жалованьем лучше, чем дети боярские, которые оставались в новой земщине. В одном Ржевском уезде для наделения дворовых детей боярских было роздано 29 тысяч четвертей земли из дворцовых и черных земель. Образованные на этих землях поместья по своему среднему размеру значительно превышали поместья детей боярских в земщине. Когда в 1576 году царь со своим дворовым войском собрался в поход на южную границу, он потребо-

вал от Симеона Бекбулатовича, как главы земщины, «на подъем» 40 тысяч рублей, которые, конечно, пошли на жалованье этому войску. Однако на этот раз царь не пытался поставить своих детей боярских над правом, и для этого времени не сохранилось сведений о массовых насилиях дворовых детей боярских над земскими людьми. Очевидно, царь учитывал отрицательный опыт времен опричнины, когда неконтролируемый произвол опричников привел к дезорганизации всей общественной жизни в стране, и старался избежать повторения подобной ситуации, тем более что, судя по всему, дворовые дети боярские не пользовались у царя таким доверием, как опричники в первые годы существования опричного режима.

Хотя есть основание рассматривать новый порядок, установившийся в стране с середины 70-х годов, как режим гораздо более мягкий по сравнению с опричниной, можно полагать, что его установление привело к серьезным осложнениям в жизни сотен людей, вынужденных снова погружаться в напряженную атмосферу споров и допросов и лихорадочно искать доказательства своей верности, вынужденных снова покидать свои владения и опять отправляться в новые, незнакомые места, где их никто не ждал и не приветствовал. Совсем иное значение события осени 1575 года имели в жизни царя. Был положен конец колебаниям, неясности и неуверенности предшествующих лет в отношении царя с кругом его приближенных. Теперь наступила желанная стабильность. В стране установился порядок, отвечавший представлениям царя о характере его власти, а из состава своего окружения царь сумел выбрать тех слуг, которые, по его мнению, заслуживали его доверия. Сказанное, разумеется, лишь предположение, которое, однако, серьезно подкрепляется тем, что ни установленный в стране порядок, ни круг лиц, составивших с осени 1575 года ближайшее окружение царя, не подвергались серьезным изменениям вплоть до самой смерти Ивана IV.

Разумеется, круг людей, наиболее близких к царю, составили прежде всего те из его приближенных, которых царь поставил во главе своего особого удела. О происхождении, связях, карьере многих из этих людей мы имеем едва ли не исчерпывающие сведения благодаря тщательному исследованию А. Л. Станиславского и С. П. Мордовиной.

Во главе «дворовой» Думы стояли выдающиеся по своему положению представители знати: потомок Гедимины, один из последних служилых князей юго-восточной Руси Федор Михайлович Трубецкой и представитель наиболее знатного рода потомков Рюрика, суздальских князей, князь Иван Петрович Шуйский. Вместе с ними в состав особого двора Ивана IV вошел и ряд их родственников. Это были те представители знати, которые уже в годы опричнины дали царю доказательства своей преданности. Федор Михайлович Трубецкой в 1570 году был принят в опричный двор, а Шуйские в начале 70-х годов сумели породниться с опричной верхушкой: князь Дмитрий

Иванович Шуйский женился на дочери самого Малюты Скуратова Екатерине. Хотя Трубецкие благополучно сохранили за собой свое родовое княжество с центром в городе Трубчевске, а Шуйские сумели получить от царя не только свои родовые вотчины, но и часть владений своего казенного сородича, князя Александра Борисовича Горбатого, они, по существу, принадлежали уже к новому типу знати — знати «служилой», которая своей карьерой была обязана царским милостям и ради их сохранения готова была оставаться послушным орудием в руках своего государя.

Этим довольно узким кругом лиц присутствие знати в составе особого двора Ивана IV и ограничивалось. Представители всех других наиболее знатных княжеских и старомосковских боярских родов остались в земщине.

Главную роль в управлении и особым «государством» царя, и страной в целом играли в последнее десятилетие правления царя думные дворяне, которые все вошли в состав его особой дворовой Думы. Думные дворяне, по существу, составляли ее основную часть: в 1575 — 1577 годах в состав этой Думы входило двое бояр, четверо окольничих и восемь думных дворян. Думные дворяне не только сопровождали царя в походах как воеводы царского полка и командовали стражей, обеспечивавшей безопасность правителя, но и выполняли важные поручения царя, связанные с ведением военных действий, участвовали в важных переговорах с иностранными послами. Когда с конца 70-х годов обстановка на военных фронтах стала меняться для России в худшую сторону, царь постоянно посылал думных дворян для наблюдения за воеводами, в способности или желании которых выполнять его приказы у царя были сомнения.

Наиболее видной фигурой среди думных дворян был Богдан Яковлевич Бельский. Итальянский иезуит Антонио Поссевино, побывавший в России в начале 80-х годов XVI века, записал, что Богдан в течение 13 лет жил в спальне у царя. Попасть сразу в число наиболее доверенных, близких слуг царя молодому сыну боярскому, несомненно, помогли родственные связи — он был племянником Малюты Скуратова. В начале 70-х годов Богдан был рындой — входил в число молодых юношей, которые на торжественных приемах стояли с топориками перед царским тронem. По традиции рындами начинали службу при дворе молодые аристократы из самых знатных фамилий. Поэтому назначение рындой молодого родственника Малюты было для него знаком особой царской милости. О том, что молодой сын боярский уже в это время занимал видное место в окружении царя, свидетельствует такая важная деталь: в 1571 году на свадьбе царя с Марфой Собакиной, где его дядя Малюта был «дружкой» невесты, Богдан мылся в «мыльне» вместе с самим Иваном IV. В последующие годы карьера его развивалась стремительно: к 1573 году он стал стольником, в 1576 году вошел в число думных дворян, в 1578 году

получил важный придворный чин оружничего. Большого для такого худародного человека, как Богдан Бельский, царь сделать не мог.

Об особом доверии Ивана Васильевича к Бельскому говорит тот факт, что под надзором Богдана Яковлевича готовились лекарства для больного монарха. У современников не было сомнений в особом, исключительном расположении царя к Бельскому. Англичанин Горсей называл Богдана Яковлевича «главным любимцем прежнего царя», а младший современник, дьяк Иван Тимофеев, писал, что «сердце царево всегда о нем несытне горяше». Царь осыпал своего любимца щедрыми пожалованиями. Худародный сын боярский из Белой превратился в могущественного магната, владельца не только поместий, но и вотчин во многих уездах страны. Даже его слуги давали в монастыри такие богатые вклады, измерявшиеся десятками рублей, которые обычно могли себе позволить лишь члены «добрых» боярских родов.

Богдан Бельский был не просто любимцем царя, взысканным его милостями человеком, которому Иван IV глубоко доверял. Он был советником царя, с мнением которого тот считался при решении государственных дел. Из подробных записей «Разрядных книг» о походе Ивана IV в Ливонию в 1577 году видно, что, когда во время похода, в целом протекавшего успешно, возникали затруднения, царь для их устранения неоднократно обращался именно к Богдану Яковлевичу. С конца 70-х годов Бельский стал принимать участие в переговорах с иностранными послами. С этого времени ни одни важные дипломатические переговоры не обходились без его участия, и есть все основания считать Богдана Бельского одним из главных руководителей русской внешней политики России конца 70-х — начала 80-х годов XVI века.

Другим ближайшим советником царя в эти годы стал Афанасий Федорович Нагой. Его жизненный путь до возвышения по милости царя существенно отличался от жизненного пути Богдана Бельского. В отличие от худародного Бельского, Афанасий Нагой происходил из «добрного» рода тверских бояр, которые после присоединения Твери в 1485 году стали служить великим князьям Московским. При обычной системе продвижения, принятой при формировании русской правящей элиты в первой половине — середине XVI века, у него были все основания рассчитывать на получение видного, но не первостепенного места, подобно своему отцу, увенчавшему карьеру получением чина окольничего в 1547 году. Уже в конце 50-х годов Афанасий получил важное поручение — провести податные описания земель в Ливонии, занятых русскими войсками.

Блестящая карьера Афанасия Нагого началась в 1563 году, когда он был отправлен с дипломатической миссией в Крым. Нагой должен был возобновить в Крыму связи, прерванные во второй половине 50-х годов по инициативе русской стороны. Миссия носила предварительный характер — Нагой подготавливал почву для приезда в

Крым «великих послов» с «поминками», которые должны были заключить мирный договор между Россией и Крымом. В обстановке, когда Ливонская война постепенно превращалась в большой международный конфликт и вопрос о том, как удержать Крымское ханство от присоединения к противникам России, приобрел особое значение, подобное поручение могло быть дано лишь человеку, о дипломатических способностях которого дьяки Посольского приказа имели достаточно высокое мнение.

Добиться договоренности между государствами не удалось, приезд больших послов для заключения договора откладывался, в результате Нагой задержался в Крыму на долгие десять лет. Эти годы стали временем острого кризиса в русско-крымских отношениях, когда дело дошло до большой войны и крымская орда спалила Москву. Положение русского посланника в Крыму стало в этих условиях очень трудным. За время своей миссии Нагому вместе со всеми посольскими людьми неоднократно приходилось находиться в заточении в «жидовском городе» Кырк-ере (ныне Чуфут-кале) под стражей верных хану караимов. Добиться установления мира Нагому не удалось, но эта задача едва ли была посильной для любого другого русского дипломата того времени. Немалым успехом, однако, было то, что, несмотря на строгие условия содержания, Нагому постоянно удавалось собирать и пересылать в Москву обширную информацию о планах хана и крымской знати, направленных против Русского государства, об их сношениях со Стамбулом, Ногайской ордой, недовольными русской властью народами Поволжья. Эта деятельность получила в Москве высокую оценку: по приказу царя в 1571 году Афанасию Федоровичу и его товарищу по посольскому делу Федору Андреевичу Писемскому было послано «жалование из опричнины». Хан, имевший определенные представления об этой невыгодной для него стороне деятельности русского посланника, неоднократно угрожал «выбить» его из Крыма и летом 1573 года привел угрозу в исполнение.

Деятельность Афанасия Нагого протекала вдали от двора, а родственники не могли оказать ему какой-либо протекции, они не были приняты в опричнину, да и в земщине находились явно на второстепенных ролях. Они стали получать более видные должности лишь после приближения Афанасия Федоровича к царю. Его возвышение, очевидно, следует связывать с теми дипломатическими способностями, которые он обнаружил во время своей долгой крымской миссии. Вскоре после возвращения Нагого из Крыма польский трон снова стал вакантным, и царю потребовалось иметь в кругу близких советников опытного дипломата, каким, несомненно, стал Афанасий Федорович после десятилетнего пребывания в Крыму. В особом дворе царя Нагой занял одно из самых высоких мест. В походе дворового войска на Калугу в 1576 году он занимал пост второго дворового воеводы, а первым был сам глава дворовой Думы князь Федор Михайло-

вич Трубецкой. О доверии царя к Нагому красноречиво говорит тот факт, что когда князь Федор Михайлович Трубецкой и некоторые его родственники какими-то поступками вызвали недовольство царя и от них потребовали присягу на верность у гробницы митрополита Петра, то именно Афанасий Нагой был прислан из Александровой слободы, чтобы привести князей к присяге. О близких связях между царем и его советником свидетельствует и заключенный в 1580 году последний брак царя Ивана с племянницей Афанасия Нагого Марией.

Особое положение Бельского и Нагого в кругу советников царя подчеркивалось и чисто формально: при приемах послов Речи Посполитой в 1581—1582 годах они стояли по обе стороны царского трона.

Было бы неправильно полагать, что лица, стоявшие во главе земщины в 1575—1576 годах и продолжавшие управлять этой частью государства и после сведения Симеона Бекбулатовича с великокняжеского стола — князь Иван Федорович Мстиславский, царский шурин Никита Романович Юрьев, думный дьяк Андрей Щелкалов, были полностью отстранены от решения общегосударственных дел. Они, напротив, постоянно принимали в них участие. Так, Никита Романович вместе с Нагим и Бельским постоянно вел переговоры с иностранными послами. Но по отношению к этим людям царь сохранял известную дистанцию, демонстрируя им свое недоверие и недовольство. Во время публичных казней осенью 1575 года дело не ограничилось бросанием голов казненных на их дворы: сын князя Мстиславского Василий был лишен придворного чина кравчего, а своего шурина Никиту Романовича царь приказал «ограбить», и явившиеся на двор боярина на Варварке стрельцы забрали домашнее убранство, лошадей, оружие. По свидетельству Горсея, Никита Романович должен был просить помощи у проживавших рядом с его двором английских купцов. В записках того же Горсея сохранился рассказ о том, как по приказу царя брат Афанасия Нагого Семен «выколотил из пяток у Андрея Щелкалова пять тысяч рублей». Когда царь праздновал в 1580 году свою последнюю свадьбу, такие близкие его родственники, как князь Иван Мстиславский и Никита Романович, не были на нее приглашены, и свадьба была отпразднована в узком кругу «дворовых» советников царя.

Как уже отмечалось неоднократно, в древнерусском обществе существовала строгая зависимость между происхождением того или иного лица и местом, которое он мог занимать на лестнице сословной иерархии. Тем самым обеспечивалась монополия на все сколько-нибудь высокие государственные должности для группы княжеских и наиболее знатных старомосковских боярских родов, а на должности более низкие, второго и третьего уровня, могли претендовать представители других «добрых» боярских семей, испокон века служивших московским князьям. Каждый сын боярский знал, какого примерно положения он мог достичь даже при успехах по службе и милости со стороны правителя. С учреждением опричнины, когда за

бортом опричного двора остались все наиболее знатные боярские и княжеские фамилии, положение изменилось — расширились возможности карьеры для лиц второго и третьего плана, получавших возможность претендовать на более высокие должности, но принцип продвижения по лестнице чинов сохранялся. Единственным серьезным отступлением от него было создание института думных дворян для людей, которые по своему происхождению никак не могли рассчитывать на получение думных чинов.

В земщине традиционный порядок отношений полностью сохранялся, как сохранялся он в земском дворе, снова появившемся после раздела страны осенью 1575 года. Иной порядок отношений сложился в особом дворе царя. Правда, думные чины бояр и окольничих оставались и здесь прерогативой представителей наиболее знатных боярских и княжеских родов (в этом была главная причина сохранения и после 1575 года института думных дворян), однако принцип пополнения иных дворовых чинов существенно изменился.

Характер этих изменений можно проследить, рассматривая состав таких групп в составе этого двора, как «стольники» и «стряпчие». Те и другие составляли близкое окружение монарха, играя роль своеобразной охраны и выполняя его различные поручения. По традиции стольниками становились молодые представители наиболее знатных княжеских и боярских семей, для которых эта служба была ступенькой к получению думного чина; стряпчими же становились по преимуществу молодые представители старомосковских боярских фамилий. Такой порядок пополнения этих групп сохранялся и в земском дворе второй половины 1570-х годов. Совсем иная картина вырисовывается при обращении к составу этих чинов в особом дворе Ивана IV. В соответствии с традицией здесь в стольниках служили такие молодые представители знатнейших княжеских семей, как Трубецкие и Шуйские, однако вместе с ними в числе стольников мы видим Годуновых, представителей младшей ветви одного из московских боярских родов, родственников Малюты Скуратова и Богдана Бельского, и обычного дворового сына боярского, служившего по Белой Федора Фофанова. Что касается стряпчих, то среди них мы также встречаем Постника Бельского, Ивана Фофанова и даже Никиту Канчеева, происходившего из самых низов дворянского сословия — городских детей боярских.

Эти наблюдения показывают, что к концу правления Ивана IV традиционный способ пополнения чинов в его особом дворе в значительной мере утратил силу. Милость и расположение монарха стали играть во многих случаях не меньшую, а подчас большую роль, чем происхождение из доброго рода. На этом фоне блестящая карьера хутородного сына боярского Богдана Бельского оказывается выдающейся, но не уникальной.

В последние годы своего правления Ивану IV наконец удалось

создать для себя близкое окружение из лиц, чье возвышение было связано исключительно с его милостью и которые могли сохранить это положение, лишь выступая в роли послушных орудий его воли.